

Ты уже не будешь брать все явления мира из
вторых или третьих рук,

Ты перестанешь смотреть глазами давно
умерших или питаться книжными призраками,

И моими глазами ты не станешь смотреть,
ты не возьмешь у меня ничего,

Ты выслушаешь и тех и других и профильт-
руешь все через себя.

*Уолт Уитмен.
Песня о себе*

Начало

Он сидел в комнате, когда к нему вошел тот, кого он ждал. Ждал с нетерпением и непонятым волнением. От их встречи зависела не только их судьба, но и судьба третьего человека, которому они должны были вынести свой приговор, не выслушав ни самого подсудимого, ни обстоятельств, смягчающих или исключających его вину, ни защитников, которые могли бы рассказать о жертве немало хорошего.

Сидя в большой комнате напротив друг друга, они говорили о каких-то мелочах, вспоминали общих знакомых, подсознательно готовясь к главному разговору, который и должен был определить судьбу третьего.

Собеседники понимали исключительность принимаемого ими решения. Человек, участь которого они собирались решить, слишком известен и популярен, чтобы можно было надеяться на безнаказанность. Нельзя надеяться и на сокрытие того, что должно было произойти. Это был самый настоящий вызов, и оба понимали, что в случае провала или какой-нибудь небрежности им придется отвечать по полной программе.

И тем не менее они принимали решение сознательно и твердо, полагая, что никакого иного варианта не существует. Жертва мешала не просто им двоим, они не просто сводили личные счеты. Это решение давалось им нелег-

ко, но без исполнения его было невозможным дальнейшее нормальное существование обоих.

Они были нормальными людьми, в том смысле, в каком это определение признано практикующими психиатрами. Оба собеседника не были ни параноиками, ни садистами, ни душевнобольными в медицинском смысле. Однако оба были больны, и больны тяжело. Это была особая болезнь, сочетающая в себе равнодушие к чужой боли и чужой жизни, неумение сострадать чужому горю и чужой смерти. Оба понимали, что жертва необходима. И, как жрецы в ожидании кровавого жертвоприношения, старались не напоминать друг другу о том, что жертвенные ножи уже наточены, а алтарь должен окраситься кровью живого человека.

За все время разговора они не сказали ни слова о будущей жертве, но оба помнили о том, чья участь была обговорена и решена еще несколько дней назад. В конце встречи один из участников беседы поднял телевизионный пульт и включил телевизор. На экране появился всеобщий любимец, журналист, чье лицо было знакомо миллионам людей. Его передачи были популярны, он неизменно входил в число лучших тележурналистов страны.

— Выступает, — усмехнулся первый.

— Хорошо выглядит, — сказал второй.

— Он талантливый журналист, — заметил первый.

— Ему нужно было заниматься только своим делом, развлекать людей, — добавил второй.

Первый согласно кивнул и выключил телевизор. Экран потух, и теперь на нем зияла черная пустота.

— Как хорошо работают эти телевизоры, — с удовлетворением констатировал первый, — легким нажатием кнопки можно регулировать их включение и выключение.

Второй засмеялся. Он понял аллегория и не стал ее комментировать. Участь жертвы была решена. И теперь уже никто не мог отменить отданного приказа. На алтаре должно было совершиться жертвоприношение. И собеседники уже думали об этом, как о свершившемся факте.

Глава 1

— Добрый день, — он улыбался немного застенчиво, как обычно улыбаются новички, впервые попавшие в большой коллектив.

— Привет, — кивнул пробежавший мимо журналист, — ты, видимо, Павел Капустин?

— Да. Меня прислали...

— Знаем, уже слышали. Иди в ту комнату. Там тебя ждут, — показал журналист и уже на бегу крикнул: — Удачи тебе, Павел.

Он оглянулся. Вокруг суетились люди, спешили куда-то две девушки с очень независимым видом, важно шествовал известный актер, горделиво наклоняющий голову при приветствиях. На телевидении шла обычная работа, все суетились, нервничали, бегали, кричали, выясняли, куда пропал тот или иной журналист, — в общем, это был обычный день на телестудии. Но это был исключительный день для Павла Капустина, впервые переступившего порог этого здания и готового начать новую жизнь. Он постучал в дверь. Никто не ответил. Он снова постучал. Опять молчание. Павел оглянулся. Он не мог ошибиться. Здесь только одна дверь.

Немного подумав, он приоткрыл ее. В большом кабинете никого не было, но за перегородкой, разделяющей пространство комнаты пополам, слышались чьи-то голоса, веселые

восклицания, смех. Он прикрыл дверь и двинулся вперед, чтобы увидеть наконец хозяев кабинета.

На большом кожаном диване сидел известный журналист, тот самый, чье лицо уже давно примелькалось на телевизионных экранах. Журналист был талантливым человеком и умелым организатором, он постепенно сделал свои программы самыми дорогими шоу на телевидении. Возглавлял он как раз тот канал, на котором и должна была состояться будущая карьера Павла Капустина.

Увидев Капустина, он отвернулся и продолжал о чем-то весело говорить с миловидной блондинкой, сидевшей рядом с ним. Оба натянуто улыбались, блондинка благосклонно кивала головой. Павел негромко кашлянул. Оба собеседника скользнули по его лицу абсолютно равнодушными глазами и продолжали свою беседу. Это было немного обидно, и он покашлял сильнее. Собеседники не могли не видеть его. Но оба предпочитали делать вид, что не замечают новичка. При этом они разговаривали преувеличенно громко и весело, словно актеры на спектакле, четко выговаривающие слова, чтобы они были слышны и зрителям, сидящим на галерке.

— Простите, — наконец громко сказал Павел, и в этот момент журналист взмахнул рукой.

— Ну сколько можно! — закричал он, глядя на новичка. — Опять какой-то идиот сорвал передачу.

Только теперь Павел с ужасом заметил в углу телекамеры, стоявших за ней операторов и наконец понял, почему здесь был установлен такой сильный свет, высвечивающий диван с обоими собеседниками.

— Извините, — пробормотал он, делая шаг назад.

— Извини, Света, — покачал головой журналист, — опять сорвали. Начнем заново. Ты немного отдохни. — Он поднялся с дивана, прошел за перегородку к большому столу. Взглянув на Павла, он недовольно покачал головой.

— Из финансового опять за отчетом пришли?

— Нет, — испуганно ответил Павел, — я к вам.

— По какому вопросу? — нахмурился журналист.

— Вот тут у меня направление. Я Павел Капустин, меня прислали к вам, — сказал он, протягивая лист бумаги своему именитому собеседнику. Тот взял бумагу, нахмурился, потом улыбнулся. Он был высокого роста, красивый, ладно скроенный. Такие открытые лица обычно нравятся женщинам и вызывают симпатию у мужчин. Его имя гремело не только в Москве, а лицо было родным и знакомым миллионам людей, живущих на всем пространстве бывшей огромной страны, куда транслировались передачи их канала. Журналиста звали Алексей Миронов, и был он известен всем как Леша Миронов, хотя ему было уже почти сорок лет.

— Чего же ты не сказал, что новичок? — улыбнулся Миронов. — Я когда впервые на телевидение попал, вообще как очумелый ходил две недели.

— Я не видел, что у вас идет съемка, — пробормотал Капустин.

— Внимательнее нужно быть. В армии был?

— Да, два года, как положено. В Афганистане служил.

— Чего же тебя там внимательности не научили? — засмеялся Миронов. — Сколько тебе лет?

— Двадцать семь.

— Солидно. А где работал до телевидения?

— Где придется, — пожал плечами Капустин, — вообще-то я работал оператором на киностудии. Но там уже два года ничего не снимают. Вот я и решил к вам податься.

— Правильно решил. Кино они еще сто лет там снимать не будут, а у нас здесь живая работа. Подожди, подожди, — вдруг вспомнил Миронов, — документальный фильм о штурме Грозного с Арпухиным ты делал?

— Ну я, — кивнул Капустин.

— Классная работа, — уважительно сказал Миронов. — Ты ведь свой фильм под пулями снимал. Очень классная. Так ты и есть тот самый Павел Капустин? Ну, брат, ты же человек опытный, две войны прошел, а здесь съемки не за-

метил. Ладно, ничего страшного. Тебя Арпухин очень хвалил, вот мы и решили тебя попробовать.

Капустин молчал.

— Давай я подпишу твои бумажки, и иди в отдел кадров оформляйся, — решительно сказал Миронов. — Такие операторы, как ты, нам очень нужны.

Он размашисто подписал бумагу, протянул ее новичку. Капустин взял бумагу и уже собрался выйти, как Миронов окликнул его:

— Павел, за «идиота» я извиняюсь. Я ведь не знал, что ты новичок.

— Ничего, — пробормотал Капустин, — я просто ошибся.

Он вышел из комнаты, неожиданно столкнувшись в дверях с невысоким человеком неопределенной внешности и возраста.

— Зарезали! — закричал человек истошным голосом. — Без ножа зарезали! — Павел уже закрывал дверь, когда услышал строгий голос Миронова:

— Опять не получилось?

— Переставляют программы, — ответил ворвавшийся в комнату. — Я ведь говорю, что зарезали. Они всегда... — Дальше Павел уже не слышал. Он привык к хаосу съемочного процесса и сумбуру во время работы. Но, похоже, на телевидении все это усиливалось стократно и было неотъемлемой частью самого процесса творчества.

— А я ему говорю, что он ничего в этом не понимает, — гневно сказала прошедшая мимо Павла маленькая женщина лет шестидесяти. Она обернулась на Павла, внимательно посмотрела на него, потом еще раз обратилась к своему собеседнику и, топнув ножкой, повторила:

— Ничегошеньки он не понимает, — и пошла дальше, не обращая внимания на реакцию собеседника. Тот был очень высокого роста, под два метра, немного сутулый, как и все очень высокие люди. Он слушал, наклонив голову, и, когда женщина отошла от него, тихонько вздохнул и направился в другую сторону. Павел решил не выяснять у него, где

именно находится отдел кадров, понимая, что в таком состоянии человека лучше не тревожить.

Оформление на работу оказалось не столь простой процедурой, как ему представлялось. Пришлось потратить полдня, обегав еще несколько кабинетов и собрав подписи неизвестных ему главных и генеральных директоров. Только к четырем часам дня он наконец услышал от сухой жесткой женщины в отделе кадров, что может считать себя принятым. Женщине было лет сорок, не больше, но она почему-то смотрела на него как на своего личного врага и разговаривала, не открывая рта, словно сэкономила воздух, предпочитая говорить сквозь зубы. Впрочем, и к другим посетителям она обращалась точно так же, и данное обстоятельство как-то успокоило Павла.

В половине пятого он почувствовал, что проголодался. Спустившись вниз, в буфет, он увидел сидевшего за столом Алексея Миронова, ту самую актрису Свету, с которой тот беседовал, и еще двух неизвестных ему мужчин. Один, с большой, густой бородой, словно собирался исполнять роль боярина средневековой Руси. Правда, на роль его могли не утвердить из-за большого семитского носа и хитрых, маленьких прищуренных глаз. Второй, напротив, был чисто выбрит. При этом он умудрился выбрить не только лицо, но и всю голову, блестящую, как идеально выточенный круглый шар.

— Павел, иди сюда! — закричал Алексей, увидев Капустина. И когда тот подошел, он показал на новичка, представляя его: — Павел Капустин, гениальный оператор и смелый человек, несмотря на свой молодой возраст. Он снимал фильм о чеченской войне. Тот самый фильм, о котором я тебе говорил, Аркадий. — Бородатый Аркадий кивнул головой, протягивая свою огромную ладонь. Остальные просто кивнули, и Павел сел рядом с Аркадием.

— Знакомься, — кивнул Миронов на свою компанию. — Это Аркадий, человек неопределенных занятий, философ и писатель. Любимое место на стуле в пресс-клубе, где

нибудь в задних рядах, чтобы подавать неслышные звукооператорам реплики. Это наша Светочка. Я думаю, ее представлять не нужно. Ее и так знают все мужчины нашей страны, которые сходят с ума из-за ее фигуры.

Светлана довольно улыбнулась, но никак не прокомментировала эту фразу.

— А это Сергей Монастырев, самый главный критик на телевидении, — показал на бритого парня Миронов, — он очень строгий и принципиальный человек. Но легко поддается на уговоры. Если ты хочешь с ним дружить, то можешь поставить ему банку пива с воблой, и он твой друг навсегда.

Все расхохотались. Любовь Монастырева к пиву была предметом постоянных шуток. Монастырев однажды на спор выпил двадцать две кружки пива и с тех пор считался признанным чемпионом по этому виду «соревнований».

— Сегодня я угощаю, — пробормотал Павел, — у меня первый рабочий день.

— Твой первый рабочий день будет только завтра, — весело возразил Миронов, — и не будь дураком. Твоей зарплаты с трудом хватит на то, чтобы прокормить только тебя в этом буфете. Если ты еще будешь угощать и других, то вылетишь в трубу через несколько дней. Здесь сейчас цены не профсоюзные, а коммерческие.

— Учту, — буркнул покрасневший Капустин.

— Хорошо, что ты пришел, Павел, — продолжал Миронов, — теперь мы с тобой будем работать в одной упряжке.

— Он еще не знает, что значит работать с тобой в одной упряжке, — пробормотал Монастырев, — все соки из него выжмешь.

— И выжму, — весело согласился Миронов, — обязательно выжму. У нас грандиозные планы на будущее. Обязательно выжму. И не забудь, Серега, что у нас завтра встреча с очень интересными людьми.

— Я помню, — кивнул Монастырев.

— Ты ведь обещал поехать со мной на этот просмотр, — встрепенулась Света, — уже забыл?

— Ничего я не забыл. Я позвоню и скажу, чтобы нас подождали. Мы с тобой еще туда успеем.

— Миронов, где вы пропадаете, — ворвалась в буфет молодая девушка, — мы ищем вас по всему зданию.

— Вот так, не дадут нормально расслабиться, — вздохнул Миронов, — ладно, пойду посмотрю, что там опять случилось. Похоже, ребята, вам придется посидеть без меня. Валечка, — позвал он буфетчицу, — ребята сидят за мой счет.

— Все ясно, Алексей Станиславович, — улыбнулась буфетчица, — как обычно. — Миронов поднялся и вышел из буфета.

— Учти еще одно обстоятельство, — желчно улыбнулся Монастырев, — бесплатного пива не бывает. А бесплатный сыр только в мышеловке. Раз он платит за тебя, значит, уже готов выдавить из тебя все возможное. Платит он хорошо, но и пахать заставляет будь здоров.

— Ты чего пугаешь парня, — пробормотал Аркадий, — у него первый день сегодня, а ты его пугаешь.

— Вообще-то я не из пугливых, — улыбнулся Павел.

— Пусть привыкает, — отмахнулся Монастырев, — в нашем деле прыгать в дерьмо нужно сразу. Иначе потом бывает противно.

— Вечно ты ругаешься, — заметила Света. — Не обращайтесь на него внимания, Павел, он всегда всем недоволен.

— Знаешь, как называют наше телевидение? — спросил Монастырев. — Зеркало для вампиров. Стоящий перед зеркалом вампир не должен в нем отражаться. Он невидим в зеркале, тогда как все остальное там четко видно. Вот твоя работа и будет состоять из того, чтобы несчастные жертвы-зрители не разглядели вампира, который стоит рядом с ними, замечая все.

— Какой ужас, — засмеялась Света, — вечно у него такие страсти-мордасти.

— Тебе еще нужно познакомиться с Мишей, заместителем Алексея. Вот тот действительно не любит никаких шу-